

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

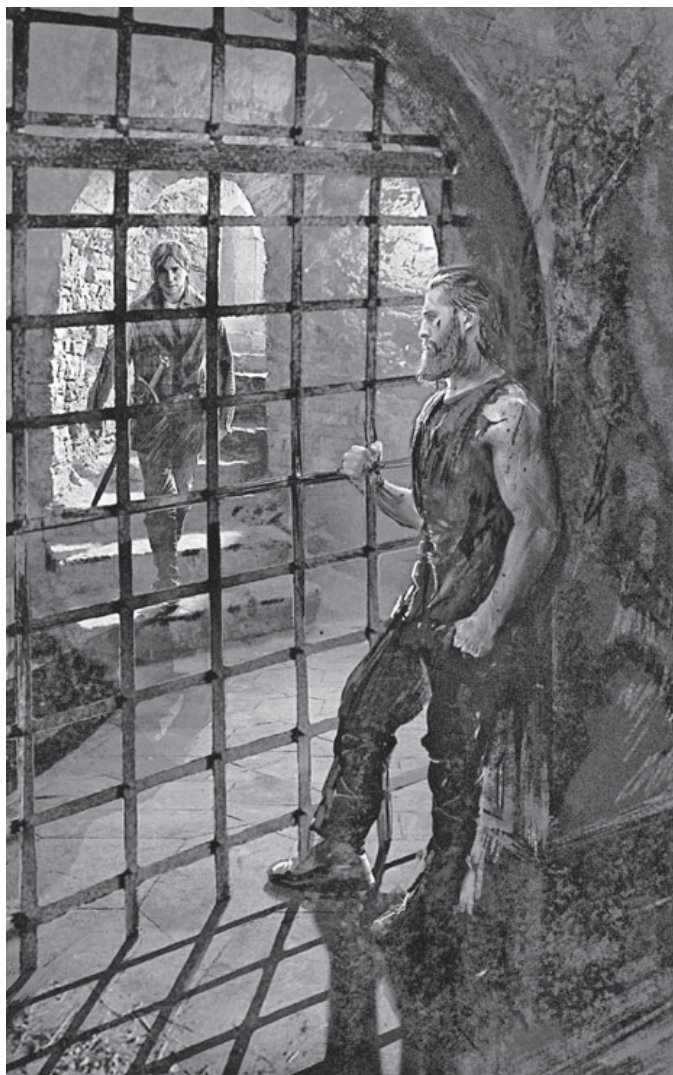
НИЩИЙ
НИЩИЙ. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

МАНАГЕР

МОНАХ
МОНАХ. ПУТЬ К ЦЕЛИ
МОНАХ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ
МОНАХ. БОЛЬ ПОБЕДЫ
МОНАХ. ШАНТИ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ
МАГ
ВОЕНАЧАЛЬНИК
СЕРЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
ШАНТИ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 555

Художник
С. Дудин

Щепетнов Е. В.
Щ56 Монах. Шанти: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 346 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1891-6

Чужой северный материк, кланы, тихая деревенька в таинственном, волшебном Лесу. А откуда здесь этот странный, едва живой человек, потерявший память? Кого подобрали местный купец и его дочь? Выживет ли он? Вспомнит ли себя и ту, которая ищет его по всему свету, отказавшись поверить в смерть близкого? Сойдутся ли дороги человека-оборотня и драконицы, ставшей больше человеком, чем драконом?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1891-6

© Щепетнов Е. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ГЛАВА 1

Крылатая тень скользнула над деревьями. Шумно хлопнув кожистыми крыльями, покрытыми непробиваемой чешуей, дракон приземлился на поляне, спугнув кролика, с высоко задраным толстым задом мчащегося к своей норе. Дракон не обратил на него никакого внимания — ну что за дичь этот жалкий кролик? Вот косую поймаю — это да!

Впрочем, в последнее время Шанти начала за собой замечать некую странность — она разлюбила сырое мясо, даже свежее, теплое, сочное, казавшееся таким вкусным раньше. Хотелось мяса, испорченного огнем, специями, соусами!

Мама ей говорила об опасности очеловечивания. Гараскарения, старая и мудрая драконица, видела всякое и знала многое, но кто верит маме? Ведь каждое разумное существо должно само наступить на свой острый сук и поранить ногу, чтобы потом, когда-нибудь рассказывать своей дочери или своему сыну о том, как нужно правильно поступить, и удостоиться фырканья, кривой рожицы и насмешливой улыбки. Нет ничего нового под солнцем, как говорил Андрей. Вернее, это сказал какой-то там древний человек, которого любил цитировать друг Шанти. Кстати, в тех изречениях было много дельного. Признать это тоже довольно трудно, ведь всем драконам известно: люди суть глупые, безответственные существа, в отличие от драконов — средоточия мудрости и всяческих добродетелей.

После того как исчез Андрей, Шанти долго, очень долго (для нее долго, конечно! Аж несколько недель!) думала о

том, где искать пропавшего друга. Тонкая нить, связывающая сознание человека и драконицы, была так тонка, так иллюзорна, что любое другое существо посчитало бы, что Шанти лишь придумала себе то, что Андрей жив. Из упрямства, присущего драконам. Иногда ниточка пропадала, но через какое-то время возникала снова, как и надежда, за которую цеплялась Шанти.

Давно — кажется, целую вечность назад! — Андрей прибыл в этот мир. Бывший военный, бывший наемный убийца, бывший монах — вот кто он был. Его перенесло в Славвию, страну, где поклонялись демону Сагану, где Зло торжествовало, а Добро считалось постыдным. Где исчадия убивали одним словом, черное называли белым, а белое — черным.

Андрей долго думал, зачем он оказался в этом страшном мире, и решил: это Бог отправил его освобождать страну от скверны, от исчадий, а в идеале — от Сагана, страшного демона, поглощавшего души убитых исчадиями людей. Увы, все оказалось точно наоборот — именно Саган вызвал Андрея с Земли, для того чтобы тот вверг этот мир в кровавый вихрь войны.

Однако демон просчитался и был уничтожен Андреем. Андрей при этом погиб — так считали все жители Балрона и Славии. Все, кроме Шанти — драконицы, влюбленной в человека. Да, именно влюбленной — она все больше очеловечивалась, общаясь с людьми.

Каждый из драконов, живущих в этом мире, мог приобрести любой облик, какой хотел. Шанти хотела быть женщиной, обычной женщиной, способной любить. И, оставив дела в Балроне, государстве, соседствующем со Славией, драконица отправилась на поиски Андрея — она чувствовала, что тот жив. Возможно, он потерял память, когда уничтожил демона, возможно, был ранен, но то, что Андрей жив, Шанти знала наверняка.

Где он может быть? Как его найти?

Шанти попыталась воспользоваться человеческой логикой и понять, где искать Андрея. И ее рассуждения выглядели так: Андрей некогда появился в Славии, сделал то,

что должен был сделать, его миссия завершена — где он должен объявиться? В Славии! Откуда все началось, там и должно было закончиться. Почему? А вот так!

Шанти не любила, когда ей указывали на прорехи в логике... даже если указывала на них она сама. Вот казалось ей, что он должен проявиться в Славии, и все тут! Ведь в Славии не все закончено с наследием Сагана. Да, после его смерти исчадия утратили свои магические свойства и не могут теперь убивать словом. Ну и что? Они остались на прежних местах, так же правят страной, собирают кровавую жатву, отправляя жертвы на плаху или на арену, где специальные убийцы рубят людей на куски, радуя ревущую от удовольствия толпу. На месте остались император, его приближенные, все, кто создал эту человеконенавистническую страну, — где может оказаться Андрей, как не там, в Славии? Ведь его путь, его миссия до конца не завершена!

В общем, Шанти подумала-подумала и решила отправиться в Славию. Собрала узелок в дорогу — тысяча золотых, пара-тройка платьев, пара туфель и башмаков и... короче, все, что нужно благородной даме для нормальной жизни. Все-таки что ни говори, а привыкла Шанти к жизни во дворце, к шелковой одежде, вкусной еде и питью. Даже свежая печенка, которую она когда-то очень любила, теперь не казалась ей такой вкусной и ароматной.

Очеловечивание, да... это ждет всех, кто общается с людьми, это такой закон, опять же — мама предупредила! Смотришь в зеркало — и твое лицо, человеческое лицо, уже не кажется странным. А вот когда подносишь к глазам драконью лапу, вдруг с удивлением понимаешь — рассматривать свою человеческую руку гораздо приятнее...

Шанти когтистой лапой отодвинула узел с барахлом, подняла морду к небу — до утра было еще далеко, звезды мерцали на темном небосводе, будто подмигивая молодой драконице. Она нашла созвездие Дракона, улыбнулась ему, вздохнула и стала устраиваться на ночлег. Что первое нужно для ночлега? Конечно, костер. Даже если на нем нечего жарить. Впрочем, это поправимо. Вообще-то драко-

ны — существа ночные и в темноте видят не хуже, чем днем. Как и оборотни, к примеру. Андрей прекрасно видел ночью: в человеческом облике похуже, в образе Зверя — как настоящий дракон.

Подумав с минуту, Шанти решила, что обойдется без ужина. Вечером она крепко закусилась жирной косулей, так что переварить ее еще не успела. Но огня надо — опять очеловечивание! Только люди любят смотреть в огонь. Андрей говорил, что это наследие тех тысячелетий, когда для человека огонь был всем — защитой, источником тепла и горячей пищи. Потому у каждого человека в голове глубоко заложено благоговение перед пляшущими языками пламени, даже если люди это и не признают.

Шанти осмотрелась, нашла здоровенную сухую ель, свалившуюся на землю под натиском ветра и времени, уцепилась за вершину и с громким треском переломила ствол там, где его толщина не превышала толщины ее ноги. Прикинула и бросила обломок на землю. Огляделась, нашла еще одно сухое дерево, пока что не упавшее наземь. Подошла, уперлась бронированным плечом и нажала всей своей полутонной тушей, вывернув дерево с корнями. Упавшее подхватила за комель и приволокла к первому бревну. Сложила бревна вместе, закидала их предварительно обломанными ветками, несколько секунд полюбовалась внушительной кучей дров и, втянув в себя прохладный ночной воздух, выдохнула поток пламени, синий в центре, красный и оранжевый по бокам.

Это пламя было таким горячим, что, если бы на месте бревен были камни, они бы мгновенно раскалились докрасна. Бревна же вспыхнули, как если бы это были не бревна, а порох, к которому поднесли фитиль. Через несколько секунд костер весело трещал, разбрасывая вокруг искры, — бревна были не такими сухими, какими казались.

Шанти с неудовольствием проследила за красными угольками, разлетающимися от костра, и подумала: стоит ли перебрасываться в человеческий образ, вдруг угольки прожгут платье? Но скоро костер утих, стал гореть ровным, жарким пламенем, и она успокоилась.

Оставаться в драконьем облике ей не хотелось: вдруг кто-то случайно увидит дракона, разговоров потом не оберешься. Скрываться за завесой невидимости она еще не умела — слишком молода. Ей всего сто лет, по людским меркам — лет пятнадцать или шестнадцать, а может, и того меньше. Мама, Гараскарания, была в несколько десятков раз больше по размеру, чем Шанти, она же Шантаргон, а еще владела очень полезным умением прятать себя где-то. Где? Этого не знала и Гараскарания. Просто когда она хотела, чтобы ее не было видно, ее не было видно, и все тут. Но драконица видела всех и все.

Закончив с костром, Шанти пошла за мешком с одеждой. Положила его у дерева на сухую подстилку из опавших игл, сосредоточилась и... замерцала, силуэт размылся в воздухе. Через секунду на месте полутонной, сверкающей в свете костра красными, синими, зелеными чешуйками драконицы стояла белокожая, рыжеволосая красотка — мечта мужчин. Длинноногая, высокогрудая, белокожая — статуя, а не человек. Драконица долго изучала, каких женщин люди считают наиболее красивыми. И само собой, выработала самый красивый облик, какой мог существовать. Даже Андрей говорил, что более совершенной женщины он не видел.

Шанти покопалась в мешке, нашла кружевное белье, пахнущее благовониями, шелковое платье, туфли, удобные, из мягкой кожи, медленно оделась, обулась, с удовольствием ощущая, как чистая дорогая одежда прильнула к коже, потом расстелила возле костра одеяла, предусмотрительно положенные в мешок, и, подложив этот мешок под голову, улеглась, накрывшись одним из одеял. Небо было чистым, ни одного облачка, так что дождь путешественнице не грозил, можно было не волноваться.

Впрочем, ей вообще мало что могло грозить — созданное драконицей тело (Андрей называл его аватаром) обладало одновременно свойствами тела человека и дракона. Если бы кто-то попытался ткнуть Шанти ножом, он был бы сильно разочарован — нож не оставлял на чешуе дракона даже царапины. Пробить эту чешую можно только тя-

желым копьём или пулей. Даже стрела, выпущенная из лука, или арбалетный болт только царапали чешую, не в силах ее преодолеть.

Однако если ударить под определенным углом, загнать острие под чешую, так сказать «против шерсти», то дракон мог погибнуть так же, как любое иное существо. Вот только какой это дракон будет дожидаться, когда над ним учинят такое безобразие? Испепеляющий огонь, стальные когти, клыки, способные перекусить человека пополам за долю секунды, — вот что такое дракон.

Шанти лежала, глядя в небо, и думала, думала... Ей так не хватало Андрея — сейчас они бы перебросились несколькими словами, посмеялись, она поворчала бы на друга, он что-нибудь рассказал бы — о мире вообще и о своем мире в частности. И где теперь Андрей?

Драконца снова «коснулась» ниточки, связывающей ее с человеком. Это только название такое, «ниточка». Просто ощущение присутствия — где-то далеко-далеко... а может, близко. А может, вон за той крепостной стеной, видневшейся за лесом, на фоне темного неба.

Шанти приземлилась в трех километрах от Гаранака, столицы Славии. Император любил поохотиться, и под страхом расправы здешний лес сохранялся нетронутым — ни деревенок, ни постоянных дворов, ни вырубок. Запрещалось даже входить в лес, а тем более жечь костры. Впрочем, если бы Шанти знала об этом законе, он не помешал бы ей сладко уснуть, слушая шипение пламени, облизовавшего толстые бревна.

— Глянь — девка! Ничего себе! Красотка! — Высокий худой мужчина в кожаной безрукавке с нашитыми на нее стальными пластинами осторожно подался вперед, произвольно облизнув губы. — Шим, ты видал?! Лежит как и положено! Откуда она взялась?

— Тебе какая разница? — угрюмо буркнул второй мужчина, кряжистый, едва ли не квадратный, одетый так же, как и первый, в стандартную форму разведчиков, а еще — городской стражи. В таком снаряжении не так жарко, а в

случае чего эта легкая броня вполне способна выдержать удар сабли или ножа.

— Ну как... надо же знать?

— Не надо. Она все расскажет в пыточной мастеру Щозу. Твое дело — найти и по возможности захватить нарушителя. Так что довольно языком трепать, подымай девку.

— Да подожди ты! — Худой состроил страдальческую гримасу. — Отведем в пыточную, они ее и распробуют! А мы как всегда ни при чем! Ты посмотри, какая красивая! Такую не купишь за два серебряника!

— Красивая или нет, все у них одинаковое, — хмыкнул Шим. — Закрыв глаза — и представляй эту красотку, а не шлюху за серебряник. А если мы доставим ее потрепанной, могут быть неприятности. Эй, девка, вставай! Хватит разлеживаться! Пора ответ держать за свое преступление!

— Это какое такое преступление? — Шанти потянулась, отчего одеяло соскочило с груди, обнажив крепкие выпуклости, обтянутые шелковым платьем.

Худой сглотнул слюну и сделал шаг вперед.

— Запрещено заходить в императорский лес, жечь тут костры, охотиться и всякое такое прочее, — хмуро пояснил Шим и тихо добавил для напарника: — Слишком хорошо одета. Может, из благородных? Не трогай ее, на всякий случай. Отведем в стражу, пусть там разбираются. Чую, дело тухлое.

— Я ее хочу! — дернул щекой худой. — Я никогда и никого так не хотел! Ни одну бабу! Эй ты, рыжая! Если не будешь сопротивляться, сделаешь все, что я скажу, — не страдаешь! Слышишь меня?!

— Слышу, — кивнула Шанти. Она посмотрела на одеяла и решила бросить их здесь — тащить неохота. Другие купит, если понадобится. Что, денег мало, что ли? Она подняла мешок, монеты звякнули, Шим насторожился:

— Деньги? У тебя есть деньги?

— Есть, — пожала плечами Шанти. — И что?

Драконница оправила платье, осмотрела его со всех сторон и подумала о том, что истанский шелк все-таки великая придумка — всю ночь спала в этом платье, и ни одной

морщинки! Он не мнется! И ведь перед тем платье долго лежало в мешке! Не зря такие деньги дерут, совсем даже не зря.

— Давай их сюда! — почти ласково сказал Шим.

Он сразу как-то полюбил эту красотку — это надо же оказаться в безлюдном лесу, да еще и с деньгами! Все-таки прав Зереш, надо ею заняться как следует. Ну кто узнает, что тут была какая-то красотка и что у нее были деньги? Кому какое дело? Ну не нашли тех, кто зажег костер, может, даже сделают вычет из жалованья — все восполнят деньги из ее мешка, вон как тот раздувается!

— Нет, парни, ничего вам не обломится, — вздохнула Шанти, сделала шаг вперед и с силой ударила Шима по голове рукой, как будто прихлопывала муху на пеньке.

Здесьшний аватар выглядел нехрупким, нет — вполне крепкая женская рука, с ухоженными ногтями, белой кожей, не испорченной мозолями и порезами, присущими крестьянкам, занимавшимся тяжелым сельским трудом. Однако не женская ручка — когтистая тяжелая лапа огнедышащей рептилии, вот что ударило Шима по макушке.

Как так получалось, куда девалась масса дракона, когда он создавал свой аватар, переправляя основную массу тела в другое пространство, как могли одновременно существовать два тела, по желанию их хозяина приобретая те свойства, которые дракону хотелось, как, каким образом могли существовать такие капризы мироздания, как драконы, — видимо, это известно лишь Богу. Но факт есть факт — дракон мог приобретать те свойства, какие принадлежали его основному телу или же аватару, которого он создал. Удобно: выглядишь как девушка в расцвете сил, а под этим нежным, соблазнительным покровом — закованная в броню смертоносная рептилия. Разве это не мечта всех женщин, — как говаривал со смехом Андрей.

Оглушенный ударом драконьей лапы разведчик упал как подкошенный. Шанти могла бы расплющить голову человека, как переспевший плод, но... пачкать платье? Достаточно, что придурок валяется на земле и молчит как пень. Убить его? Можно, да. Но зачем? Угрозы не пред-

ставляет, а убивать просто ради убийства — это удел маньяков.

Худой разведчик, надо отдать ему должное, успел выхватить меч и приготовиться к бою. Быстрая реакция. Впрочем, в разведке другие не выживают, отсеиваясь на первых же походах.

— Если ты опустишь меч, то у тебя будет шанс выжить, — мягко заметила Шанти, вскидывая вещмешок на плечо. — Не будь дураком, дай пройти! Что-то я сегодня добрая... видно, утро такое.

Разведчик, не вступая в разговоры, сделал молниеносный выпад, но острие меча, вместо того чтобы пронзить мягкую плоть, наткнулось на что-то твердое, непроницаемое как скала. Зереш был очень, очень удивлен. Особенно удивился, когда девица поджала губы и, удрученно посмотрев на попорченную ткань, сказала:

— Я тебе этого платья не прощу, скотина!

Больше разведчик ничего не увидел. Рука Шанти врезалась в его шею с такой скоростью и силой, что шея переломилась под углом девяносто градусов, а само тело улетело к тлеющему костру, впечатавшись в торец бревна, краснеющий раздутыми утренним ветерком углями. Запахло паленой кожей, волосами, и драконица недовольно сморщила нос — противно.

Поправив мешок на плече, она пошла своей дорогой, но оглянулась, решая, что делать со вторым, оглушенным разведчиком. Возвращаться было лень, и потому она оставила его жить. Впрочем, какую опасность мог представлять этот вояка? Расскажет, что его вырубил девица в шелковом платье, спавшая у костра? Даже не смешно.

Тропа вывела Шанти к тракту, и к городским воротам драконица подошла, когда солнце уже довольно высоко стояло над горизонтом.

Открывать или не открывать ворота в определенный час, то есть, когда можно было различить пальцы рук в предрассветной серироке, решал командир пропускного пункта, и выглядело это так: если он был не в духе, то ворота могли остаться закрытыми и до первых лучей солнца. И

плевать ему на всех торговцев зеленью, овощами и прочей ерундой — если, конечно, среди них не найдется умный человек и не соберет со всех торгашей подарок, который изменит настроение командира к лучшему.

Приступы плохого настроения случались у командира часто, практически каждый раз, как он заступал на службу, потому все торговцы заранее готовились к такому развитию событий. Но иногда не помогало и подношение — должны же торгаши знать, что с ними будет, если стража осердится на самом деле? И тогда ворота оставались закрытыми до тех пор, пока солнце не вставало над горизонтом, — зелень сохла, мясо заветривалось, а торговцы бессильно скрежетали зубами, посылая проклятия в адрес окаянного вояки.

Сегодня толпа уже рассосалась, втянувшись в огромные ворота, из города и в город шли и ехали обычные путники, ничем не выделявшиеся среди себе подобных.

На одинокую девушку, низко надвинувшую на голову капюшон, никто не обратил внимания. Пара медяков, небрежный жест стражника — проходи! — и вот Шанти уже в столице.

Сколько времени прошло с того дня, когда она в образе черной кошки на плече Андрея въехала в этот город? Кажется, целая вечность. Тогда они случайно попали в трактир, принадлежащий Олре, ставшей потом любовницей Андрея и зачавшей от него ребенка.

В этом городе Шанти училась летать после того, как Андрей вправил ей переломанные исчадием крылья.

Ничего не изменилось — булыжная мостовая, запах жареной рыбы и мяса, крики зеленщиков, расхваливающих свой товар, свист извозчиков, разгоняющих зазевавшихся прохожих, а еще — лица людей, хмурые, веселые, подозрительные и доверчивые. Все так, как будто они с Андреем пришли в город только вчера.

Шанти стало грустно, и, задумавшись, она едва не наступила в кучу лошадиного дерьма, испускающего «ароматный» пар прямо посреди мостовой. Выругавшись так, что даже у грузчика свернулись бы в трубочку уши, драко-

ница проследовала дальше, внимательно оглядывая опасную поверхность, на которую собиралась поставить свою изящную ногу.

Путь ее лежал к тому самому трактиру, где они с Андреем некогда весело проводили время. Олра, уезжая из города, оставила его на родственника — угрюмого, туповатого мужика. Что теперь в трактире творилось, Шанти не знала, но где-то ведь надо остановиться. Нужно обдумать, что делать, как действовать дальше. Нет, так-то план у нее был, и очень даже определенный, но нужно отработать детали, и лучше всего это делать на широкой кровати, переваривая вкусное рагу и пироги с олениной.

Ничего не изменилось. Та же вывеска, дверь — сбоку царапины от когтей Шанти. Через дорогу — мусорные бачки, в один из которых Андрей некогда забросил драконицу. Она потом отомстила ему, запрыгнув на голову, когда тот мылся в мойне.

Шанти хихикнула, вспомнив, какое удовольствие тогда испытала, наказав человека за наглость. Как он посмел извалять в помоях видную представительницу самого мудрого на свете племени драконов!

Она толкнула дверь, вошла — тот же зал, та же стойка. Только за ней совсем другой человек, не тот, кого она ожидала увидеть. Незнакомый мужчина, чернобородый, пузатый, каким частенько и представляют трактирщика. Ну кто будет есть в этом заведении, если трактирщик и повар худые, как палки? Они или больны какой-нибудь дурной болезнью, или готовят так, что и сами не могут есть свою отвратительную стряпню. Нет, этот трактирщик соответствует предполагаемому облику хозяина трактира.

Драконица кинула взгляд в угол, будто рассчитывала увидеть знакомого вышибалу — уродливого, громадного, как дракон, но обладающего одним из самых добрых сердец среди всех, кого знала Шанти. И тут же усмехнулась: вышибала жил теперь в Балроне, во дворце императора и был правой рукой Федора, регента императора Марка. На месте Никата сидел обычный здоровяк со сломанными

ушами и кривым носом — стандартный вышибала, каких пруд пруди по всем трактирам.

Трактирщик заметил гостью, мгновенно оценил ее дорогой наряд (дельный хозяин гостиницы с первого взгляда должен уметь определять стоимость кружев и ткани на платье гостьи!) и с ходу предложил:

— Госпоже обед? Комнату? У нас самые лучшие комнаты в городе! С ванной! Новые кровати! Новое белье! У нас останавливаются только знатные господа!

Через двадцать минут Шанти уже сидела за столом и, игнорируя удивленные взоры персонала гостиницы, с удовольствием поглощала вкусности, горой наваленные перед ней. Немудрено, что персонал так удивлен — молоденькой девушке положено слегка поклевать пирожок, потом отодвинуть его с томным выражением лица, а не запихивать в рот, будто голодала три месяца и только сейчас вышла к людям!

Шанти понимала, что привлекает внимание своим нестандартным поведением, но... Во-первых, ей было наплевать — ну что они могут ей сделать? Во-вторых... ей было наплевать! Просто из вредности, и все тут. И в-третьих... скоро она исчезнет из гостиницы, из памяти этих людей. Что для нее память подавальщиц и поварих? Пусть себе смотрят, хоть будет о чем поговорить долгими скучными вечерами.

— Госпожа платит балронским золотом? — вскинул брови трактирщик и тут же поскущнел. — Извините, госпожа, согласно указу императора балронское золото принимается на десять процентов дешевле, чем славское. Мне очень жаль!

«Ни хрена тебе не жаль! — недовольно подумала Шанти, глядя в толстошеекое лицо мужчины. — Небось нажиться на мне решил!»

— Уважаемый, берите так, как положено по закону. И вот еще что — не могли бы вы ответить на пару вопросов?

Шанти, обладающая способностями к эмпатии, сразу почувствовала облегчение трактирщика и утвердилась в своем мнении — надувает с деньгами, подлец!

— Конечно, госпожа! — радостно закивал мужчина, отчего его толстые щеки заколыхались, будто тряпки на ветру. — Все, что хотите!

— Здесь были другие хозяева. Как вы оказались на этом месте?

— Купил, госпожа, — слегка потух трактирщик, и в его голосе проскользнул страх.

Что-то нечисто с трактиром, решила Шанти.

— Как купили? А куда делись прежние хозяева?

— Я не знаю, почему вас так интересует этот вопрос, — растерянно ответил мужчина, — но раз вам интересно... В общем, тут открыли гнездо боголюбов, трактир конфисковали, хозяина, родственника некой Олры, сбжавшей в Балрон, казнили на алтаре исчадий. Трактир выставили на торги... вот я и купил — дал большую цену, и все. Не я первый, не я последний. Вы же знаете, частенько продают имущество боголюбов, так что... Или не знаете? Вы откуда к нам прибыли? У вас только балронские деньги...

— Не ваше дело, уважаемый, — надменно поджала губы Шанти и усмехнулась про себя: вот так и прокалываются агенты! На кой демон она начала спрашивать про Олру?! Ясно же, что в Славии знали, что та — одна из приближенных императора Балрона! Была...

Трактирщику, конечно, этот факт неизвестен — мелковата фигура, но вот специальные службы империи Славии знали все наверняка.

Шанти не питала иллюзий: государство Славия работало вполне эффективно, если сумело продержаться столько лет, — и стража не бездействовала, и тайные службы. А раз были тайные службы, значит, имелись люди, докладывавшие им всю информацию, которую могли добыть. И среди информаторов не последнее место занимали трактирщики, находившиеся в центре всех событий. И немудрено — через питейные залы и комнаты гостиниц проходит множество людей, от простых купцов до родовитых господ. И все способны после пары кружек вина развязать язык и выложить собеседнику или собеседнице все, что лежит на

душе. Шанти сама пользовалась услугами трактирщиков для сбора информации.

— Ну... не мое, значит, не мое, — покладисто согласился трактирщик, потупив глаза, и, выдав сдачу с золотого, заторопился к стойке — помогать разливающему.

К вечеру людей стало больше, зал наполнялся. Когда солнце сядет, людей набьется, как муравьев в муравейник. Шанти не любила этот человеческий муравейник, а потому пошла в свою комнату — принять ванну, полежать, подумать и... поспать. Не секрет, что драконы большую часть своей жизни предпочитают проводить во сне. Может, потому они так долго и живут?

Горячая вода навевала сон, и Шанти едва не уснула прямо в ванне. Драконица любила воду, великолепно плавала — Андрей как-то сказал, что драконы, вероятно, когда-то вышли из моря, поэтому они отлично чувствуют себя в морской воде. Впрочем, в любой воде, особенно если в нее намешали мыльных благовоний, так хорошо действующих на кожу.

Кожу? Или чешую? С некоторых пор Шанти стала замечать за собой, что уже и не знает, какое из тел настоящее — аватар или драконье. Гараскарания говорила, что в худшем случае дракон настолько вживается в роль человека, что отбрасывает свое настоящее тело, навсегда застревая в человеческом. Такие случаи были. Потому драконы и забили тревогу, запретив соплеменникам принимать человеческий образ.

У Шанти иногда возникало подозрение, что род человеческий — это драконы, потерявшие память о том, что они когда-то были драконами...

Выбравшись из ванны, драконица воспользовалась махровым полотенцем, вытерев досуха свою идеальную кожу, надела свежее белье, ночную рубашку, предусмотрительно захваченную с собой, и растянулась на постели, глядя в окно. В щель между неплотно сдвинутыми занавесками виднелась звезда, яркая, будто фонарь. Она подмигивала Шанти, и та вдруг пришла в хорошее настроение —

может, все не так плохо и Андрей где-то рядом, недалеко? И не придется заниматься тем, что ей неприятно, — делами людей? Хотелось бы просто сидеть рядом с другом, покачивать ножкой в красивой туфле и подшучивать над ним, зная, что он не обидится...

Полежав минут десять и помечтав, Шанти начала думать о том, что ей предстоит сделать. Пока что все шло по плану. Да, сложно будет, но кто сказал, что все в мире должно быть легко? Можно было бы начать уже с утра, с этими двумя придурками, если бы они сразу повели ее в тайную стражу. Так нет же, дураки задумали какие-то домогательства, а после того как заметили у нее деньги, тут уже бесполезно разговаривать.

Шанти закрыла глаза и погрузилась в дрему — неизвестно, когда удастся как следует поспать, нужно воспользоваться представившейся возможностью. Через пару минут она уже крепко спала.

За ней пришли глубокой ночью, когда город успокоился, трактир покинули последние гуляки, а жильцы в комнатах крепко спали и не слышали топота множества ног в коридоре гостиницы. А может, и слышали, только кому охота совать нос в чужие проблемы? Если стража арестовывает, так ведь за дело. Заслужили. У нас никого без вины не забирают!

Дверь вздрогнула под ударами, и грубый мужской голос потребовал:

— Открывай! Немедленно открывай — тайная стража!

Шанти тут же проснулась, прислушалась к голосам в коридоре, прощупала визитеров эмпатическим чувством: они были возбуждены, нетерпеливы, а еще — очень злы из-за того, что вместо теплой постели им пришлось торчать под дверью какой-то девки. И Шанти их понимала — она сама сейчас с удовольствием валялась бы в теплой постели, а не встречала «гостей».

— Кто там? — спросила драконица сонным, нарочито хрипловатым голосом. — Чего надо?

— Открывай! Государственное дело! Не заставляй нас ломать дверь!

— Господа, вы обещали! — послышался испуганный голос трактирщика. — Кто будет платить за ремонт двери?

— Заткнись, придурок! — прервал давешний грубый голос. — Надо будет, мы все твое поганое заведение разнесем! Ты обязан содействовать тайной страже, иначе отправишься следом за балронской шпионкой! Лучше свали отсюда, пока зубы целы! Эй, девка, открывай!

Шанти неторопливо оделась, собрала вещи, подошла к двери и, встав возле стены, сбоку от косяка, отодвинула засов. Стражники, похоже, как раз собирались навалиться на дверь со всей своей солдатской дури, так что в комнате образовалась куча-мала из упавших на пол закованных в железо солдафонов, копошащихся, как черви после дождя. Они громко матерились, мешая друг другу подняться — каждый норовил это сделать быстрее других и валил своих соратников с ног. Стоявшие сзади мужчины в штатской одежде — темной, неприметной — с неудовольствием смотрели на эту возню, а когда драконица явственно хихикнула, один из них поморщился и брезгливо сказал:

— Вот как с такими идиотами делать дела? Скажи, шпионка, ваши солдаты такие же дебилы, как эти?

— Всякие есть, — ухмыльнулась Шанти и язвительно добавила: — Но таких олухов я вижу в первый раз! Настоящие идиоты!

— Так ты признаешь, что являешься балронской шпионкой?! — встрепенулся второй мужчина в штатском.

— Признаю. Ведите меня к вашему главному, у меня для него есть важная информация. Я заслана в Славию правительством Балрона для того, чтобы вести подрывную деятельность, уничтожать исчадий и организовать сеть агентов. Хочу работать для блага Славии. Условия я изложу вашему начальнику.

— О как! — ошеломленно причмокнул первый в штатском и тихо шепнул второму: — Наконец-то нам попалась крупная рыба! Надоело таскать в пыточную лавочников и выдавливать из них признание.

— Тихо! — цыкнул второй. — Вы сами пойдете, не сделаете попытки бежать? Или вас заковать в кандалы?

— Я же сказала — буду сотрудничать, — пожала плечами Шанти. — Утром я собиралась идти в тайную стражу, но вы пришли раньше. Это очень хорошо.

— Не будем платить трактирщику, — шепнул первый, — она и сама собиралась прийти, так что платить не за что.

— Да заткнись ты! — угрюмо буркнул второй. — Не до того сейчас! Потом разберемся. Собирайтесь, госпожа!

Шанти улыбнулась — тон сотрудника тайной стражи сменился на более уважительный, а солдаты старались не подходить близко, как если бы девушка была больна какой-то дурной, очень заразной болезнью. Впрочем, была. И болезнь эта называлась «шпионка Балрона» — лечится только четвертованием, или посадкой на кол, или... в общем, всяческими веселыми казнями, на которые так любит смотреть император Славии.

У крыльца трактира стояла карета без опознавательных знаков — ни гербов, ни эмблемы тайной стражи. Темно-серая, почти черная: занавешенное окно, масляный фонарь — чтобы видно было, кого задавили по дороге в контуру. Впрочем, давить сейчас некого, улицы мрачны и пусты. Небо, вечером звездное, затянуло облаками, и накрапывал мелкий дождик, будто небеса плакали по тем, кого увозят в страшной карете.

Шанти задумалась, усаживаясь в карете на жесткую деревянную скамью в подозрительных темных потеках: сколько людей прошло через эту повозку? Сколько лишились надежды, усаживаясь на окровавленные скамьи? Впрочем, скорее всего, они и сидеть-то не могли после знакомства с дубинками стражей. Эти дубинки — короткие, темного крепкого дерева с кольцами по всей длине — стражники держали в руках, готовые пустить их в ход при первом намеке на неповиновение. Но Шанти не давала никакого повода своим конвоирам воспользоваться оружием. Она уселась в карету, с двух сторон пристроились дюжие стражники, на скамейку напротив уселись два агента в штатском, и, как только дверцы захлопнулись, карета дернулась и понеслась по мостовой, колесами высекая искры из булыж-

ников. Остальные стражники, верхом на лошадях, скакали рядом.

Шанти вдруг вспомнилось, как ездили они с Андреем. Карета, а вокруг нее охрана, вооруженная ружьями и пистолетами, — опасались налета драконов. Она слегка улыбнулась, чем вызвала недоуменные взгляды конвоиров — никто не улыбался в этой карете, пропахшей кровью и нечистотами. Не то место, чтобы веселиться.

Ехать пришлось недолго. Трактир располагался в центральном районе города, вернее, рядом с центральным районом, управление стражи — возле городской площади, как и тюрьма, эшафот-алтарь и Круг, на который выпускали арестованных боголюбов, точнее, всех, кого в них записали. Этими «боголюбями» могли быть и мелкие воришки, и бродяги, и всякая шваль, которую нахватали возле входа в город, на Привратной площади, среди нищих. Где теперь набрать столько настоящих, идейных боголюбов, когда их изводили десятками лет? Те, что не боялись показывать свои убеждения, вымерли, как крысы, которые съели отравленную приманку, остальные научились прятаться и попадались редко, в основном по доносу.

Доносили по большей части родственники — жена, которая хотела освободиться от постылого мужа, муж, который хотел освободиться от жены, благодарные дети, внуки, заждавшиеся смерти своего богатого или не очень родителя. Достаточно написать донос, и через несколько часов несчастный уже хрипит на кресте, рассказывая о своих прегрешениях перед исчадиями, императором и законом. А то, что такие прегрешения найдутся, — это стопроцентно. В пыточной тайной стражи рассказывали все — что было и больше всего чего не было. Работали настоящие мастера своего дела, влюбленные в свое ремесло. Невинных не обнаруживалось.

Возле входа в управление тайной стражи стояли четверо стражников, внимательно оглядевших Шанти. Они сжимали в руках копьё с листовидными наконечниками, а когда мимо проходили агенты в штатском, вытянулись,

встав «мирно», — эти два человека в гражданском явно имели приличный вес в иерархии стражи.

Длинный темный коридор привел к входу в подвал, возле которого тоже стояли стражники — двое. Один из них взял здоровенную связку ключей, фонарь и повел Шанти вниз, по чисто выметенным ступенькам, к рядам клеток, в которых угадывались силуэты людей, лежащих на полу. Впрочем, присутствие в клетках обитателей можно было определить и по запаху, а еще — по храпу, который несся со всех сторон. На взгляд Шанти, узников было несколько десятков.

Ей отвели отдельную клетку — маленькую, на четверых. В ней никого, кроме нее, не было, стояли деревянные топчаны, что для темниц вообще-то невероятная роскошь. Узникам положено валяться на полу, в полусгнившей соломе, среди кучи копошащихся насекомых. А не попадайся! Темница — это тебе не комната в лучшей гостинице, с начищенной медной ванной и морем горячей воды!

Решетчатая дверь, громыхнув, закрылась за спиной «балронской шпионки», и тюремщик медленно пошел назад, на пост, унося фонарь, последний лучик света в этом царстве тьмы и отчаяния.

Шанти осмотрела клетку и, заметив копошащихся на полу и стенах насекомых, сморщила нос — она ненавидела насекомых, как и все женщины. Нет, сделать ей они ничего не могли, кроме как забраться в одежду и поселиться там до первой стирки, но чего хорошего в предоставлении приюта мерзким жалящим тварям, питающимся кровью и плотью несчастных заключенных?

Шанти думала секунд пять, потом стала решительно раздеваться догола. Раздевшись, зажала одежду в руках или вернее, лапах. Она успела обратиться в дракона, правда, не полноразмерного — камера тесновата, нужен простор. Потом драконица отошла к решетке, завела за спину лапу с узлом и выдохнула поток пламени, стараясь не попасть в деревянные топчаны — в самом деле, не на полу же сидеть?

Синее пламя выжгло полчища насекомых, лишь крае-

шжом опалив вожделенный топчан, прожарило стены, на которые твари успели забраться повыше, чтобы веселее было запрыгивать на обитателя камеры. Раскаленным воздухом уничтожило и тех насекомых, что поджидали добычу на лежанке. Через минуту уничтожение полчищ тараканов, вшей, блох и всякой такой нечисти было закончено.

Шанти вздохнула: если бы так легко было решить все проблемы!

Она выдула из пасти струю воздуха, сметая обугленные трупики нечисти, и стала одеваться-обуваться, с тем чтобы прилечь и немного вздремнуть — пожить-то подольше хочется, а сон продляет жизнь дракона. Раньше чем через час после рассвета ее все равно не поднимут: в самом деле, начальник тайной стражи не дурак же, чтобы дневать и ночевать в этом мерзком здании? Скорее всего, сейчас он сладко спит, лелея мечты о том, как будет искоренять свой народ и наживаться на грабежах и взятках.

В воздухе стоял дым от спаленных тварей, и драконице пришлось привыкать к этой вони. Впрочем, воняло ничуть не хуже, чем вообще в этой темнице, которую проветривали не позднее чем лет пятьдесят назад.

Драконица улеглась на топчан, вытянула ноги, заложила за голову руки и закрыла глаза. Мешок с вещами и деньгами у нее отобрали, но Шанти не беспокоилась — никуда не денутся. Найдет. Если все получится, как она задумала, все будет чики-пуки. Смешное выражение — Андрей так иногда говорил в приступе веселья. Объяснить, что оно означает, он отказывался, но по смыслу и так понятно — все будет хорошо. Все будет хорошо! Ведь хуже быть уже не может — в этом Шанти уверена на сто процентов.

— Паленым воняет! Ты чего, масло пролил, что ли? Закоптилось все, как в печи! Что тут случилось? — Агент стражи недовольно посмотрел на тюремщика, растерянно пожимавшего плечами, и озабоченно заглянул в клетку: — Эй, шпионка, жива? Потом с тобой разберусь, Гирс, узнаю, чего тут творите! Шпионка, на выход!

Шанти потянулась и, встав со своей лежанки, вышла в

коридор. Стражники обступили ее — двое спереди, двое сзади, — и процессия двинулась вперед. Тюремщик семенил замыкающим, агент возглавлял шествие.

Драконница усмехнулась — ведут как опасную преступницу! И с чего вдруг? Потом нахмурилась — не результат ли утренней встречи в лесу? Ну, что есть, то есть, теперь не изменить. Да и какая разница? Пока все идет как задумано.

Подняться пришлось на два этажа. Кабинет начальника тайной стражи располагался на третьем этаже, за дверью темного дерева, покрытого лаком. Таблички, указывающей, что за дверью работает один их самых могущественнейших людей империи, не было: чужие тут не ходят, а те, кому положено, и так знают, где сидит этот человек, способный щелчком пальцев отправить на казнь даже родовитого дворянина. Конечно, если тот не принадлежит к некоему кругу тех, кто на самом деле управляет страной, и не находится под покровительством исчадий.

Выше исчадий нет никого. Что такое тайная стража? Подслушать, подсмотреть, собрать информацию, захватить преступника. А вот судьба его — жить ему или умереть и как умереть — уже в руках исчадий. Однако есть одно обстоятельство — начальник стражи решает, имеется ли в действиях предполагаемого преступника состав преступления или это так, пустой донос.

Если человек сумеет заинтересовать такого важного чиновника — например, крупным пожертвованием в фонд погибших агентов, — может оказаться так, что преступления никакого и не было! И тогда исчадий извещать не нужно. Зачем зря беспокоить таких важных господ? У них и без пустопорожней болтовни дел хватает.

Главный тайный стражник сидел за столом. Ничем не примечательный мужчина лет сорока с небольшим, никакой печати порока на лице, никаких примет, указывающих на то, что он питается младенцами и любит купаться в крови жертв. Не купался он в крови жертв и не ел младенцев, хотя крови, которую пролила тайная стража, хватило бы на хорошее озеро.

Мужчина с интересом посмотрел на вошедшую девуш-

ку, молча проводил ее взглядом, когда она шла к тяжелому креслу перед его столом, и так же молча посмотрел в ее зеленые глаза, в которых, как ему показалось, плескались золотые искры. А еще стражника удивило непоколебимое спокойствие девицы, как будто она каждый день оказывается в застенках тайной стражи и совершенно ничего не боится. Более того, ситуация ее немного смешит!

— Вы кто? Шпионка? Зачем вы тут? Мне сказали, что у вас есть предложение. Какое?

— А вы кто? — спокойно осведомилась девица, оглядываясь по сторонам, будто была не в кабинете начальника стражи, а в особняке, куда ее пригласили на бал.

— Я?! — опешил мужчина. — Мое имя Зорген Иснак, дворянин восьмого ранга, начальник тайной стражи. Вы кто?

— Скажите, вы женаты? — внезапно спросила рыжая девица.

— Вы наглеете! — нахмурился Зорген. — Если вы хотите сотрудничать с нами, это дурное начало сотрудничества.

— Извините! — ничуть не смутилась шпионка. — Мне очень нужно знать ответы на некоторые вопросы. После того как вы мне ответите, я отвечу на ваши вопросы — честно и откровенно, клянусь! Я не спрошу ничего такого, что составляет государственную тайну! Только невинные вопросы о личной жизни. Больше ничего. Заключим соглашение? Я служащая тайной стражи Балрона и могу быть очень полезна тайной страже Славии. Так что, поговорим?

— Хм... — Мужчина слегка улыбнулся. — Я умею различать, когда мне врут!..

«Эмпат? — подумала Шанти. — Почему и нет? Андрей же умеет».

— ...И когда почувствую, что врете, вы пострадаете. Шереж, Эрг, оставьте нас одних!

— Господин Иснак, как же так, опасно! — Стражник укоризненно покачал головой. — Я не могу оставить вас наедине с этой девкой!

— Я ценю твою верность, Шереж, — холодно ответил вельможа, — но ты что, считаешь, я не смогу справиться с

женщиной, да еще и привязанной к креслу, привинченному к полу? Низко же ты ценишь своего господина!

— Извините, господин! — Стражник низко поклонился и, сделав шаг назад, повернулся и вышел в коридор. За ним второй стражник, и двое собеседников остались наедине.

— Вы первый человек за последнее время, который вызвал у меня интерес, — ухмыльнулся Зорген. — Горю желанием узнать, что за птичка попала в мои сети! Жаль будет, если придется попортить вашу внешность... таких красивых женщин не бывает в природе, вы уникальны!

— Спасибо, — серьезно кивнула Шанти, — я старалась. Итак: вы женаты?

— Нет, — усмехнулся мужчина. — Хотите стать моей женой?

— Нет, — мотнула головой драконица. — Дети есть?

— Нет.

— Любовница есть?

— Предпочитаю не иметь постоянных любовниц, лучше всего служанки. Или платные женщины.

— Живете один?

— С прислугой, конечно. — Вельможа забавлялся, но глаза его внимательно смотрели на Шанти, будто сквозь прицел арбалета.

— Вы часто видите императора?

— Часто, — нахмурился начальник тайной стражи. — Вы же говорили, что не коснетесь государственной тайны...

— А что такого — видите и видите, — пожала плечами Шанти. — У вас есть секретарь, который ведает вашими делами, встречами?

— Секретаря нет — мой заместитель, Хастер Шур, исполняет обязанности секретаря.

— Где он сейчас?

— В соседней комнате. Дерну вот этот шнур, и он придет. Дернуть? — Зорген усмехнулся и глубоко вздохнул. Развлечение стало ему наскучивать.

— Опишите его внешность, этого Хастера.

— Сорок лет, тонкий, ухоженный... небольшие усики.

Брюнет, глаза карие, кожа светлая, почти белая — не бывает на воздухе. Ну что еще... а! Родинка слева, над верхней губой. Слушайте, достаточно. Теперь моя очередь. Мне надоело. Пора переходить к делу. Итак, первый вопрос: как ваше имя?

— Шанти.

— Шанти, Шанти... что-то знакомое... Зачем вы здесь?

— Чтобы занять ваше место. — Драконица вздохнула, дернула руками, и ремни, притягивавшие ее руки к подлокотникам кресла, треснули и порвались, как гнилые нитки. То же самое произошло с двумя ремнями через грудь и живот, а затем — с ножными ремнями.

Зорген вначале онемел, глядя, как драконица освобождается от пут, потом взревел:

— Ко мне! Охрана!

Дверь распахнулась, впуская четырех охранников с обнаженными мечами. Они набросились на Шанти, пытаясь сбить с ног, нанося удары плоской стороной меча — удары сыпались один за другим, но не остановили драконицу. Она сделала два шага и легко, ладонью ударила начальника тайной стражи в висок. Зорген отлетел к стене, ударился затылком об пол и замер неподвижно. Затем настал черед стражников.

Шанти буквально взорвалась движениями — стражники разлетелись в стороны, как детские игрушки, отброшенные капризничавшим мальчишкой. Двое так и остались лежать со сломанными шеями, еще двое сумели встать и снова пошли в атаку. Шанти отметила их упорство и верность долгу (у одного рука торчала под прямым углом, сломанная могучим ударом драконицы) и короткими точными ударами разбила головы обоим, не обращая внимания на их попытки изрубить шпионку короткими и, вероятно, очень острыми мечами.

Через две минуты с начала поединка все было закончено. Начальник стражи лежал у стены за столом, стражники — справа и слева от стола, в виде трупов.

Шанти подошла к входной двери, заперла ее на задвижку и вернулась к Зоргену. Наклонилась и стала его разде-

вать, складывая вещи на стол. Раздев догола, внимательно, до мельчайших подробностей изучила тело мужчины. Разделась сама, замерцала, меняя облик, и через несколько секунд на месте красотики стоял Зорген, очень похожий на оригинал — даже мать этого человека не смогла бы распознать подмену.

Зорген-оригинал внезапно очнулся, открыл глаза и с усилием спросил:

— Что такое?! Что со мной?

— Уже ничего, — с некоторым сожалением ответила Шанти и легким движением свернула ему голову. Шея мужчины треснула, как сухая ветка, он дернулся и застыл — теперь навсегда.

Шанти несколько раз повторила фразу: «Что такое?! Что со мной?» — добиваясь стопроцентного совпадения голосов. Наконец ей это удалось — голос Зоргена был довольно чистым и бесцветным, без каких-то особенностей, акцента или пришепетывания, так что копировать его нетрудно.

Драконница несколько раз перешла из состояния дракона в облик Зоргена, запоминая, как тот выглядел, и добиваясь, чтобы облик стражника впечатался в ее память. После десятого раза она уже легко становилась Зоргеном, за долю секунды, не нужно было вспоминать морщинки и родимые пятна. Драконы запоминают навсегда, если постаются, конечно.

Перейдя в облик дракона, Шанти взяла со стола одежду начальника стражи, спрятала ее за спиной... и вдруг остановилась. Нет, нужно было не так — она стащила в кучу тела телохранителей, сверху положила их начальника и уже тогда принялась уничтожать следы преступления.

Человеческие тела неплохо горят — Шанти видела это, когда армия драконов налетела на завод. Те люди, на которых попадала струя драконьего пламени, горели как свечки, превращаясь в обугленные скелеты. Температура горения драконьего «топлива» была очень высока.

Вот и сейчас язык голубого пламени окутал трупы стражников таким жарким покровом, что они вспыхнули,

как дрова, заполнив комнату удушливой вонью и черным дымом.

Шанти жгла трупы, пока они не обуглились до костей, а в комнате нечем стало дышать. Тогда драконица превратилась в Зоргена, быстро натянула на себя его одежду, отодвинула задвижку и выскочила в коридор, упав под ноги изумленным и обеспокоенным стражникам, сбежавшимся на запах и дым, просачивающиеся из кабинета начальника. Стучать они боялись — Зорген не любил, когда кто-то лез не в свое дело.

— Колдовство! Злое колдовство! — прохрипел лже-Зорген, тяжело дыша и прикрывая глаза (Шанти и вправду было не очень хорошо — надышалась дыма). — Шур здесь? Отвези меня домой! Скорее! Мне надо помыться и отлежаться... Шпионка-колдунья покончила с собой, я чудом спасся... но на сегодня мне хватит работать. Она хотела убить меня ценой своей жизни! Загорелась как костер! Саган уберег меня!

— Будет сделано! — с готовностью кивнул заместитель. — Подать карету господина Зоргена! Вы сами дойдите или вас отнести?

— Сам! — кивнула Шанти и медленно, цепляясь за стену, поднялась на ноги. — Отведите меня к карете, глаза слезятся, плохо вижу...

ГЛАВА 2

— Он открыл глаза! Открыл! — Девушка, почти девчонка, сорвалась с места, подбежала к женщине лет сорока, с усталым добрым лицом, и, схватив ее за руку, поволокла в комнату к больному.

Женщина возмущенно фыркнула и покачала головой:

— Ну открыл, и что? Стоило меня ради этого отрывать от варки похлебки? Вот сейчас твой отец придет из лавки — голодный, злой, как лесной амрок, и задаст нам всем! И твой высохший деревянный человечек нас не защитит!

— Мам, он не деревянный! Не говори про него так! Он хороший, я знаю!

Девушка наклонилась над лежанкой в углу комнаты и внимательно посмотрела в глаза мужчины:

— Ты меня видишь? Слышишь? Как тебя зовут? Кто ты?

Мужчина не отвечал. Он бессмысленно таращился в потолок зелеными глазами и молчал — худой как скелет, обтянутый кожей. Его глаза ввалились в глазницы и смотрели оттуда, как два волчьих глаза из темной норы. Белая кожа незнакомца была покрыта шрамами — за полтора месяца, что он лежал в доме Гирсе, раны мужчины зажили. Даже страшный пролом на голове — рваный, открывающий кости черепа, треснувшие от удара.

Когда раненого привезли домой, позвали лекарку. Та с сомнением покачала головой и сказала, что этому человеку давно следовало умереть. Почему он жив, непонятно. Чудо. В жизни случается много странного, недоступного разуму людей, посему нужно оставить этого бедолагу на волю богов и дать ему умереть. Или выжить, самому опять же, если будет на то воля богов.

На волю богов полагайся, а нож храни за пазухой — говорил здешний народ. Потому лекарка соорудила снадобья на первое время, дала травок на будущее — научила заваривать траву непоседливую Беату — и удалилась, получив два полновесных серебряника.

Отец был очень недоволен незапланированной тратой. Ворчал — чтобы заработать два серебряника, ему нужно торговать целый день, да еще чтобы односельчане вдрут занимели в своих кошельках деньги, которые отнесут в его лавку.

А денег у людей не было. В основном расплачивались за товар натурой — шкурами. Эти шкуры лавочник Урхард Гирсе потом отвозил в город и сдавал перекупщику, получая за них деньги. На деньги закупалось все, что нужно селянам, и... круг замыкался. И так почти два десятка лет. Урхард построил свою лавку двадцать лет назад, в небольшой деревеньке под названием Темный Лог. Тогда там был всего десяток домов. Его отговаривали от глупого шага. Ну что можно заработать в этом глухом углу? Но он решил и вложил все свои деньги в постройку дома и в торговлю.

Как ни странно, дело пошло. Селяне сносили ему шку-

ры — здешние края славились замечательным мехом усков, темным, с серебряной искрой. Купцы сюда побаивались ездить — слишком много нечисти, поэтому охотникам приходилось ездить в город самим, сдавать рухлядь почти за бесценок, рискуя быть обманутыми, опоенными, ограбленными по дороге в город. Теперь они ничем не рисковали, пусть даже за шкуры Урхард давал немного меньше, чем перекупщики в городе. Но это и понятно: ему же тоже надо на что-то жить.

Через два года после того, как новоиспеченный купец обосновался в глуши, он женился на девушке из простой семьи, того же клана, к которому принадлежал и сам. Он внезапно влюбился как мальчишка, и, как ни странно, девушка, красивая, добропорядочная и спокойная, ответила ему взаимностью, переехав из большого селения в маленькую деревню, в дом Урхарда Гирсе.

Впрочем, в Темном Логе за эти годы настроили домов, и маленькой эту деревню можно было назвать только условно: семьдесят дворов, появилась своя лекарка, к которой ходили со всей округи, появился даже свой храм — бога Леса.

Деревенские охотно молились этому богу, рассчитывая на то, что Лес будет к ним благосклонен, — вся их жизнь проходила в лесу, в глухомани. Орехи, мясо, шкуры, мед, древесина — захочет Лес дать их человеку, будет тот сыт, обут, одет и весел, не захочет — в одном из походов в рассерженный Лес упадет на голову нечестивцу сухое дерево, и кончится его долгая или недолгая жизнь.

Все в руках богов, и у всех людей они разные. У моряков — свои боги, у пахарей — свои. Такова жизнь.

Через год после свадьбы Урхарда и Аданы родилась дочка Беата. Маленький, воплиивый комок плоти, который стал для Урхарда главным сокровищем на свете, не считая жены, конечно. Дочери он позволял все — хулиганить, бить посуду, лазить где угодно, и, когда жена пыталась остановить девочку, запрещал наказывать это маленькое чудовище.

Как ни странно, Беата выросла разумной, хорошей де-

вочкой, несмотря на полное отсутствие воспитания, то есть порки ремешком. Девочка не отказывала в помощи матери, отцу, работала, как и они, помогала в лавке, училась — отец научил ее грамоте, покупал ей книги, ужасно дорогие, но такие интересные! В них описывались иные миры, путешествия, красивая любовь и низкое предательство.

Когда девушка увидела возле дороги человека в странной одежде, в крови, израненного, у нее екнуло сердце, и Беата решила: это судьба. Это — он!

Родители придерживались совершенно другого мнения, но, так как отказа девочка ни в чем не знала, чужака оставили в доме. Тем более что пока что он не представлял никакой опасности — раненый и бессильный.

Втайне родители Беаты надеялись, что он тихо и спокойно помрет — нет человека, нет проблемы. Кто он такой и зачем тут оказался? Чего от него ожидать? А пока пусть девочка поухаживает за ним, почему и нет? Чего портить ей настроение? Больше детей у семьи Гирсе не было. Не дали боги. Нет, парочка старалась, очень старалась... ходили по лекарям, даже к городским ходили, к знахарям-колдунам. Но... все лекари говорили, что у Аданы все нормально со здоровьем. Вот только словами лекарей ребенка не зачнешь, так что ни брата, ни сестры у Беаты так и не появилось.

Впрочем, Урхард и Адана не теряли надежды и при каждой возможности пытались исправить эту несправедливость. Безуспешно. Скорее Беата обрадует их внуком, чем у них что-то получится, решили Гирсе.

Кстати, это была еще одна причина, по которой родителям девушки не хотелось, чтобы незнакомый мужчина находился в доме. В семнадцать лет рано еще думать о том, чтобы родить, особенно если на горизонте ни одного достойного кандидата в мужья, только деревенские увальни, ловкие в лесу и в бою и совершенно тупые, когда дело касается образованной девушки из хорошей семьи. При Беате парни почему-то впадали в ступор, мямлили, несли какую-то ерунду, создавая впечатление полудиотов. Она

над ними подсмеивалась, и скоро оказалось, что рядом с шустрой, острой на язык девушкой нет ни одного претендента на ее любовь. Хорошо это или плохо? Беата считала, что хорошо, родители в выводах дочери сомневались. Но не настаивали. Придет время, и... чего «и» — они не знали, но искренне верили, что боги не пустят дело на самотек и как-то исправят ситуацию. Иначе пошли бы они, эти боги!..

Урхард не отличался набожностью, как и его жена, хотя подношения богу торговли делал. Как, впрочем, и богу путешественников — куда без этого, ведь большая часть жизни Урхарда проходила в дороге. А на ней множество опасностей и приключений — от раненого медведя-шатуна до слизника или черного вопера, иногда вылезающего из Леса и пытающегося попить человеческой крови.

В последние годы нечисти становилось все больше и больше. Говорили, что в старые времена нечистой силы в Лесу было совсем мало или даже не было вообще. Но уже много лет леса заполонила пакость, взявшаяся непонятно откуда, — все эти гады, поджидавшие путника и мечтающие лишить его частей тела, крови, а то и самой жизни.

Урхард заметил, что последние пять лет твари сделались очень агрессивными и количество их увеличилось в несколько раз. Он сам уже раз пять дрался с залетным визгуном, перепугавшим лошадей так, что те понесли и чуть не развалили фургон. Хорошо хоть, что твари в этой местности были небольшими. Поговаривали, что ближе к югу они вырастали раза в два крупнее. И в который раз Урхард благодарил судьбу, что живут они на севере, а не на юге, где зимой, говорят, даже не выпадает снег. Урхард там не бывал, но оснований не верить книгам у него не было, как и рассказам купцов, с которыми постоянно встречался в городском трактире.

— Ну почему он не отвечает?! — с ноткой отчаяния в голосе снова спросила Беата, и Адана укоризненно покачала головой:

— Дочка, он может и вообще ничего не ответить! Никогда! Ты видела рану на его голове? Ты видела его сломан-

ные руки и ноги? Он может превратиться в овощ, ведь всем известно — человек думает головой! А раз голова разбита, значит, думать он сейчас не может. Может, вообще никогда не будет думать. Дала б ты ему умереть, чего мучаешь? Тихо, тихо — пусть живет! Я-то чего? Ну что так разволновалась?

— Уыыыааа... — неожиданно явственно сказал мужчина. — Иииииааа!

— Глянь-ка, и вправду оживел! — хмыкнула Адана. — Эй, парень, тебя как звать? Откуда ты?

— Эээуууу... — беспомощно прогудел мужчина и облизнул губы.

Беата схватила ковшик с отваром травы, поднесла к губам больного, и в его рот полилась тонкая струйка. Мужчина стал глотать, захлебнулся, закашлялся, покраснел. Девушка вытерла его губы тряпочкой, утерла ему лоб, покрывшийся испариной, и посмотрела на мать — исподлобья, колюче, как лесной гессрер на свою жертву.

— Выживет он! Ты же видишь — пьет, кашляет, уже и глаза открыл, разговаривать стал. Не говори больше про то, что он должен умереть!

— Да я чего... пусть живет, я же сказала! Дочка, поосторожнее с ним... может, он из разбойников? Может...

— Может, он гессрер-перевертыш, ага! Мамочка, ну что ты все ерунду говоришь? Иди лучше готовь, папку встречай. Я сейчас помогу тебе, только закончу с ним...

Адана недовольно поджала губы, но ничего не сказала. Повернулась и скоро уже гремела кастрюлями на кухне, вымещая на них свое раздражение.

Беата улыбнулась и снова склонилась над больным:

— Надо покушать! Давай-ка я тебе бульончик сделала! Попей! Ага, вот так, так...

Мужчина глотал теплую, пахучую жидкость, полуприкрыв глаза, когда Беата остановилась — бульон закончился, — что-то попытался сказать, прохрипел, приподнял худую руку, но попытка снова закончилась неудачей. У больного из уголка глаза показалась большая, чистая слеза и

покатилась по щеке к подушке, испачканной каплями бульона, пролитыми Беатой по неосторожности.

— Ничего-ничего, ты скоро будешь сильным, большим — как и был! Вон у тебя какие крепкие кости, и зарастает на тебе все быстро! А то, что сил сейчас нет... так что же такого? Болезнь есть болезнь! Ты знаешь, мне никогда не нравилось быть лекаркой, а когда я за тобой поухаживала, решила — наверное, все-таки буду лечить людей. Тебя ведь вылечила... ну не совсем пока вылечила, но вылечу! Отваря хорошо делаю, ухаживать за больным умею. Ты, может, хочешь кое-чего? Ты не стесняйся, я тебе горшочек подам...

— Ыууу... — простонал мужчина и сморщил нос, глядя на Беату. — Аууууыы...

— Стесняешься, глупенький! — поняла девушка. — Да я тебя видела во всех видах! Ты чего?! Да и неинтересны мне твои причиндалы, я твоя лекарка, и все тут! Сейчас я тебе подам горшочек, оботру тебя, а потом снова поговорим, хорошо? Ну, давай-ка!

— Ну вот, видишь, как хорошо? И ты чистенький, и постелька чистая. Ты, если что, говори мне, когда захочешь. Не можешь — старайся говорить! Сегодня лекарка в лавку приходила, так вот, она сказала, что после сильного удара по голове человек может не только сознание потерять, но и разучиться говорить! Но со временем все налаживается... почти всегда. Сегодня я тебе голову помою. Ты такой красивый, такой мужественный, а голова немытая. Так нельзя! У тебя красивые волосы, темные. У наших у всех светлые волосы, а ты темный! Ты из дальних краев? Когда окрепнешь, расскажешь мне, откуда ты пришел и что с тобой случилось. Здесь так скучно, так нудно — парни все здоровенные и тупые как на подбор. Одно развлечение — посмотреть, как они в последний день седмицы единоборствуют. Хотела бы я быть парнем! Вы сильные, вам все можно. А мы, женщины, только рожать и дома сидеть, ждать своих мужей. Ну не обидно ли? Я бы путешествовала, дралась с другими кланами, убивала нечисть! Ты бои-

шья нечисти? Да нет, такой, как ты, не может бояться нечисти, потому что ты герой! А я боюсь, если честно. Особенно гессрера-перевертыша. Он оборачивается человеком, напускает морок, и ты видишь в нем того, кого любишь, кого хотел бы увидеть. И тогда он к тебе приближается и высасывает жизнь. Вот!

Беата помолчала и посмотрела в лицо мужчины. Тот внимательно слушал, повернув голову и глядя на девушку колдовскими зелеными глазами. Потом моргнул пару раз и, чуть улыбнувшись, сказал:

— Уыыааа! Уууэээ...

— Так. Надо за тебя браться как следует, — хмыкнула Беата. — Сколько можно мычать? Лекарка сказала, что ты мог забыть язык совсем и тебя нужно учить, как ребенка. Буду учить. Прямо сейчас!

Девушка встала, прошла мимо постели, остановилась:

— Я стою! Хм... мое имя Беата. Я — Беата! Беата! Ну-ка, повтори!

— Эууэээ... — послушно промычал мужчина, и Беата хихикнула:

— Не эуэээ, а Беата! Повтори!

— Эуэээ...

— Хи-хи... Беата!

— Буээээа...

— Ну вот! А говорил — не можешь! Молодец!

— Вот, молодец! Сам уже ешь! Мама, смотри, он сам ест!

— Осторожнее. Много не давай. Папа говорит, он может умереть, если сразу дать много.

— Ну что же я, дура, что ли? Я понемножку накладываю. Ну как ты? Как себя чувствуешь?

— Хорошо... — Голос мужчины был хриплым, каким-то деревянным. Но это и понятно — от завываний, с помощью которых он изъяснялся, до членораздельной речи прошло всего две недели.

Мужчина действительно очень быстро восстанавливался. Он уже мог есть сам — полусидя, держал ложку — толь-

ко как-то смешно, в кулаке, пальцы у него работали плохо, неловко, не желали держать предметы, даже самые легкие.

Беата с жалостью смотрела на худого парня, не способного обслужить себя, и ощущала что-то вроде материнского чувства. Хотелось погладить мужчину по голове, обнять, защитить от всего мира, так жестоко обошедшегося с ним.

А то, что мир обошелся с ним жестоко, было видно сразу: густые темные волосы наполовину поседели, именно наполовину — левая сторона белая, правая черная. На левой щеке длинный, извилистый шрам, уходящий за ухо, — пришлось натягивать сорванную кожу и зашивать. Сделали все, что могли, но кожа слегка натянулась, и левый уголок рта приподнялся так, что казалось, будто мужчина все время иронически усмехается.

— Теперь давай выберем тебе имя, ладно? Я же должна тебя как-то звать? — предложила Беата, забирая из рук больного чашку из-под съеденной кашки. Кашку она сделала сытную — растерла вареное мясо, грибы, истолкла крупу, получилась такая серо-бурая масса, вкусно пахнущая и проскакивающая в желудок совершенно без проблем — вкусная!

— Давай, — так же хрипло подтвердил мужчина и попытался улыбнуться. Улыбка получилась вымученной, и он оставил свою затею, сделавшись снова хмурым и спокойным, как камень с горы Гостра.

— Я буду называть имя, а ты мне говори, подходит ли оно тебе. Может, таким способом мы найдем твое настоящее имя? А что, голова откликнется, вспомнит. Чем боги не шутят? Итак, начинаю! Горс!

— Нет.

— Нурс!

— Нет.

— Эйнор!

— Н... нет!

— Эвор!

— Нет.

— Анри!